

Прошло уже больше месяца с тех пор, как мальчик и девочка стали жить с Сатоми и теми, кто еще оставался в ее стае.

Поначалу семье оборотней было довольно сложно общаться с ними, и на то были разные причины.

Во-первых, мальчик почти ничего не понимал. Он немного понимал английский, поэтому общение между ним и остальными членами стаи было нормальным, а недавно он начал отвечать, правда, всего несколькими словами, но это уже был прогресс.

Второй была девушка, Малия, как они уже успели узнать. Она была не такой сдержанной, как мальчик, но довольно агрессивной, если кто-то влезал в ее пространство. Сатоми сказала, что это из-за того, что она до сих пор не научилась контролировать свои эмоции, и, к счастью для нее, она находилась в лучшем месте для того, чтобы научиться чему-то подобному.

Еще одним моментом было то, насколько они были привязаны друг к другу.

Все видели, как она, скорее всего, запечатлелась на мальчике, и он сделал то же самое. Хотя он не был сверхъестественным или звероподобным, было очевидно, что они оба сильно зависят друг от друга.

Для стаи было удивительно видеть, как человек учится быть человеком у стаи волков. До сих пор все, чему он научился до встречи с ними, можно было отнести в основном к инстинктивным реакциям, вроде знания, что огонь горит, потому что к нему прикасаются, - мальчик был слишком пустым. Его даже нельзя было назвать невинным, потому что он таковым не был, он просто не знал, что такое плохие поступки.

"Арх! Это не то, Тристан". Бретту почти захотелось оторвать свои мутировавшие уши, но, к сожалению, объект его недовольства лишь растерянно смотрел на него.

Тристан - имя, выбранное для мальчика, поскольку они не могли продолжать обращаться к нему на "мальчик" и "ты". Неудивительно для стаи: именно Малия настоятельно рекомендовала это имя после того, как они выбрали двенадцать, причем каждый из них выбрал свое собственное.

Причина недовольства Бретта заключалась в том, что Тристан все еще считал, даже спустя столько времени, что превращение в животную форму - это то, что могут сделать все, и под всеми он подразумевал себя тоже.

Бретта ничуть не забавляло то, что его развитие пошло по другому пути, поскольку Тристан, по какой-то необъяснимой причине, считал Малию образцом для подражания. Девушка была дерзкой, грубой, невоспитанной, откровенной, без такта, агрессивной и еще много чего, что делало ее проблемой.

Старшие члены стаи легко понимали, что происходит с девочкой, и могли сказать, что ее эмоции довольно грубые, больше, чем у обычных волков-подростков. Иногда они удивлялись, как мальчик может быть таким естественным в ее присутствии, а она - в его.

Большую часть дня Тристан и Малия проводили в медитации. Стая Сатоми была довольно отшельнической, все они держались особняком, и медитативные практики были одной из тех вещей, которыми они всегда занимались, либо в группе, либо в уединении.

Тристан, как и всегда, воспринимал тренировки как нечто нормальное, очень полезное, и был довольно успешен в этом, хотя и не знал о важности и пользе практики, в то время как его вторая половина - Малия - испытывала большие трудности в этом. Она была не из тех, кто любит тонкости, и сидеть в комнате в тишине, скрестив ноги, было для нее очень сложной задачей, даже если Тристан был рядом с ней.

Уровень зависимости между ними был слишком высок, чтобы быть здоровым, и это отмечали даже самые молодые члены стаи. Странно было видеть, как человек отражает действие отпечатка животного - в случае Тристана он рычал на любого, кто обижал девушку, даже во время ее упражнений по самоконтролю. Даже Сатоми в какой-то момент пришлось вмешаться, чтобы убедиться, что мальчика не загрызет до смерти раздраженный член ее стаи.

Из всех них ближе всего к дуэту были Бретт и его сестра Лори. Вернее, в случае с Бреттом они были теми двумя людьми, на которых Малия решила оскалить клыки, что несказанно раздражало оборотня-самца.

С другой стороны, Лори относилась к Малии довольно спокойно, могла разговаривать с ней, не вызывая негативной реакции, а также была ее ближайшей подругой, после Тристана.

Причина, по которой она была близка с мальчиком до такой степени, что это было опасно, стала ясна всем после ее первого полнолуния в качестве человека-оборотня. Сатоми лично наблюдала за этим событием, поскольку именно она принесла их в дом, а также потому, что она была альфой стаи, и такое первое полнолуние, как превращение, было особенным для любого сверхъестественного существа.

Из-за того, что Малия долгие годы была заперта в форме койота, она никогда не испытывала, каково это - пережить первое полнолуние в человеческом облике, и, учитывая, что это будет ее первый опыт, было крайне важно, чтобы она освоила хотя бы основы.

Остальные молодые члены, даже некоторые из старших, заперлись в своих комнатах, готовясь пережить ночь, даже не шелохнувшись, и с Малией остались только Сатоми и Тристан.

Малия сидела, скрестив ноги, с переплетенными пальцами и глубоко дышала, чувствуя притяжение луны. Она чувствовала, как ее низменные инстинкты бьются о барьеры, которые она поставила, чтобы не позволить себе рваться на все, что покажется ей неприятным. В лучшем случае они были хлипкими, но это было все, с чем она могла справиться, учитывая месячный срок.

Она глубоко вдохнула, чувствуя, как весь ее разум тонет в смятении и нарастающей ярости, свойственной оборотню в полнолуние.

"Прислушайся к моему голосу, Малия. То, чем ты сейчас являешься, - ничто. Тяга, которую ты чувствуешь, - ничто. Твой разум - ничто". Голос Сатоми эхом отдавался в ее ушах, и она не могла не прислушаться к нему.

"Сейчас ты наиболее спокойна. Все отвлекающие факторы вокруг и внутри вас сведены к нулю. Ни о чем не беспокойся... Три вещи нельзя долго скрывать... "

"С-солнце, т-луна, правда". Она нахмурила брови, и ярость разлилась по всем частям ее тела, медленно поглощая ее в своих огненных объятиях.

"Повтори это".

"Три вещи не могут быть долго скрыты: солнце, луна, правда". Она заикалась, чувствуя, что находится в нескольких вдохах от того, чтобы потерять себя для своих инстинктов. "Солнце,... м-луна, правда".

"Малия, соберись!"

Она слышала голос Сатоми, но эмоции мешали ей отреагировать. Ее внутренний разум больше не мог ощущать, что находится снаружи, так как красный цвет завладел ее зрением.

Она пыталась найти свой якорь, то, за что она могла бы ухватиться в самом тяжелом состоянии, и паника охватила ее душу, когда она почувствовала лишь пустоту.

Она была одна, ей было холодно. Ощущение разрыва плоти набросилось на ее чувства и заставило ее утонуть в этом ощущении. Она почувствовала отчаяние.

Она вспомнила фонарики и силуэт женщины, и в следующее мгновение ее зрение рухнуло... а потом она почувствовала запах.

Кровь.

Страх.

Отчаяние.

Это было похоже на роскошное блюдо, разложенное перед ней, и она даже не успела осознать, как это произошло, как все это уже было в ее сознании. Мир стал более ярким, а цвета - более выраженными.

Она поползла к источнику крови, а потом почувствовала, как ветер овеивает ее тело, и побежала по лесу быстрее, чем это было возможно для человека.

Пока ее органы чувств не уловили запах двух людей.

Даже не задумываясь, она бросилась на объект своих чувств и пошла напролом, чтобы убить.

Сатоми вздохнула, видя, как девушка поддается своим животным инстинктам. Глядя на то, как девушка, казалось, потеряла чувство собственного достоинства, она поняла, что ей придется удвоить усилия и повторить попытку на другой луне.

Похоже, мне придется усыпить ее на ночь".

Она уже собиралась прекратить нападение, когда мальчик шагнул к ней и загородил ее от Малии.

Она бы легко остановила его, но любопытство взяло верх, и она наблюдала, как бешеная девчонка набросилась на Тристана и обрушила на него свои клыки, но они оказались зажаты в ее пасти.

Она повалила его на землю и вытащила когти, готовая изувечить его, что было неплохим способом назвать его мертвым, но остановилась.

"Ургххх!" Мальчик застонал от боли, когда ее клыки захрустели по его кости, окрасив кровью рот и лицо.

Бешеный свет в ее глазах померк, когда она увидела жертву своей вспышки и его стон от боли, которую она ему причинила. Неохотно, а может, и в шоке, она оторвала рот от его руки и сделала неуверенный шаг назад, когда последствия ее поступка окончательно дошли до нее.

"Трист, я... я... я так..." Ее слова тут же затихли, превратившись в рыдания, когда она почувствовала его притяжение, заставившее ее рухнуть к нему на ноги, а его - начать гладить ее волосы.

Стыд охватил ее с такой силой, что даже крики не могли вырваться из ее горла, и она задыхалась, но мальчик продолжал успокаивающе гладить ее по волосам. Это была гармоничная сцена, когда расстроенная девушка плакала, крепко прижимаясь к нему. Ее маленький маячок, который она чуть не уничтожила в порыве чувств. Не было слов объяснения, которые могли бы смягчить тот факт, что она причинила ему боль и, как следствие, чуть не убила его.

"Малия..." Он произнес всего одно слово, но все, что он хотел сказать, было передано. Им не нужно было много слов, потому что только они знали, что значат друг для друга, по крайней мере, имели представление об этом.

Они были важны друг для друга - это они знали и без того, чтобы кто-то говорил им об этом или указывал на это.

"Трист, прости меня!!!" Она снова зарычала и прижалась к нему так крепко, что у него затрещали кости, но он не поморщился от дискомфорта.

Он был ее якорем, и ее действия были равносильны тому, что она бросила его в бурное море без единого каната, связывающего их. У него было более чем достаточно причин бояться ее, даже если он не до конца понимал, что такое страх. Страх смерти был покровителем продвижения, и все же даже перед лицом такой возможности он по-прежнему держал ее рядом.

"Прости меня!" Она была всего лишь маленькой девочкой, потерявшей семью, даже убившей ее, и превратившейся в животное. Единственное, что она не ненавидела и не чувствовала за собой вины, - это мальчик, который сейчас держал ее рядом.

"Малия". Он снова позвал ее и на этот раз притянул к себе. Он не знал, что делает, но она уже много раз поступала так с ним, пытаясь поднять ему настроение. Он обнял ее, взъерошил ей волосы подбородком и не отпускал до тех пор, пока не наступило полнолуние и она не уснула.

Он поднял ее на руки, не обращая внимания на потерянную кровь, и отнес в их комнату - так было решено, потому что она не могла спать без своей подушки, без него, и ему нравилось, что она теплая.